

5 (63)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

АПРЕЛЬ
2007

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ВХОД В ИЕРУСАЛИМ СОБИРАЛ ЦЕРКОВЬ БОЖИЮ

Из проповеди духовного попечителя Преображенского содружества
свящ. Георгия Кочеткова на Вечерне 31 марта 2007 г. (Вход Господень в Иерусалим)

Господь наш Иисус Христос входит в Иерусалим во исполнение пророчеств и получает признание. Он получает ту славу, Ему возносится та хвала, которых Он достоин, и это признание длится какое-то время. Но как это часто бывает, когда побеждает Бог, когда люди признают Его волю и исполняют пророческое слово, это признание длится недолго. Дело даже не в переменчивости сердец, хотя оно, конечно же, было у всех, в том числе и у древних иудеев, — увы, это беда всех людей, во все времена, — дело в том, что само это признание миром, лежащим во зле, воли Божьей в момент ее исполнения не может длиться долго — как раз потому, что мир этот лежит во зле, как раз потому, что даже народ Божий и церковь Божия, как Ветхого, так и Нового завета — еще не Царство Небесное, еще не Царство Божье. Можно было бы заранее предсказать — даже не будучи пророком — чем кончится торжественный, царственный вход Христа в Иерусалим.

Я слушал сегодня чтение Писания и вспоминал все те места, где это происходило: находящуюся напротив Золотых ворот, царских ворот Иерусалима, в непосредственной близости от Сиона, буквально сразу через поток Кедрон, гору Елеонскую. Наверху Елеон. Между ним и Сионом — двумя горами иерусалимскими — Гэфсимания. А с другой стороны той же самой горы — Вифагия, или Вифагия, и тут же в двух шагах — Вифания. О чем это говорит нам сейчас? Прежде всего о том, что Христос очень недолго ехал по этому пути на молодом осле: Он лишь поднялся от Вифагии на Елеонскую гору, тут же с нее спустился туда, где шел поток Кедрон, поднялся к стенам древнего Иерусалима — и сразу же оказался на том месте, где нужно было приготовить и провести пасху. Вход в Иерусалим — царственный вход, торжественный, славный вход — длился очень недолго, значительно меньше по времени, да и по расстоянию, чем мы привыкли думать, наученные религиозной живописью, в которой так много пространства и света. Для нас, дорогие братья и сестры, это еще усугубляет то, о чем я сказал — признание пророчеств, их исполненности в данном конкретном месте, здесь и сейчас, длилось лишь несколько часов. При самом неторопливом проезде это, наверное, часа два.

Событие это имело большое значение. Люди, ожидавшие Мессию, должны были встрепенуться, ведь еще не все слышали, что Он пришел, а некоторые слышали речи превратные, завистливые, злобные, убийственные, исполненные яда неверия и страстей. И сердца простых людей могли быть отравлены этим ядом. Поэтому Христу нужно было хотя бы на этот малый миг открыть Себя. Ему нужно было именно явиться. Вход в Иерусалим оказался таким же Богоявлением, как и другие Богоявления, о которых мы знаем из Евангелия и из всего Писания, а может быть, и те, о которых мы еще не знаем.

Христос собирал Свой народ. Он действительно плакал над Иерусалимом, оплакивал его как город святой, как город Небесного Царя. Он понимал, что совсем скоро этот Дом святой будет пуст, и уже надолго, если не навсегда — потому что Господь воздвигнет Себе новый дом вместо прежнего, близкого к уничтожению. Господь торжественно вошел в Иерусалим, и Его слава была явной для многих. И те, кто хотел войти в этот новый народ — народ мессиянский, эсхатологический, но живущий на земле, народ, устремленный к Небесному Царству, — тот мог это сделать в эти последние мгновения перед Христовыми страданиями и смертью.

А что произошло накануне, дорогие братья и сестры? Сегодня мы праздновали уже первый день за пределами Святой четвердесятиницы, собственно Великого поста. Великий пост как бы и продолжался, и уже как бы исчерпывает себя, начинаются особые дни подведения духовных итогов,

Вход Господень в Иерусалим.
Лоренцетти Пьетро. 1320 г.

дни особых воспоминаний, девять специальных дней, первый из которых посвящен воспоминанию воскресения Лазаря — там же, совсем недалеко, в Вифании, буквально в двух шагах, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от Вифагии, откуда начался вход Господень в Иерусалим. Воскрешение Лазаря, как можно себе представить, дорогие братья и сестры, было таким же Богоявлением, таким же явлением Мессии, но только более прикровенным, как бы тайным. Тогда еще не пришел час прославиться Сыну Человеческому, как Царю, признанному народом. Вход в Иерусалим собирал Церковь Божию, а воскресение Лазаря стало знаменем всеобщего воскресения — не просто воскресения, братья и сестры, а именно воскресения. Кто был свидетелем воскресения Лазаря? Многие ли люди? Да почти никто. Скорее пошли слухи, еще более стужившие тучи над головой Спасителя. Воскрешение Лазаря ускорило расправу и предопределило смертную казнь. Этого терпеть никто не мог и не хотел. Неверующему сердцу никакое воскресение не нужно. Фарисеям и саддуккеям — и древним и новым — нужно совсем другое: устроиться в этом мире так, чтобы было больше удобств. Мы с вами иногда забываем, дорогие братья и сестры, что воскресение Лазаря было никому не нужно, кроме тех, кто любил Христа и друга Его Лазаря, а это были считанные единицы.

Мы не всегда помним и понимаем, что в мире сем есть некоторое внутреннее отталкивание от той жизни, которая даруется Христом. И нам было бы хорошо иногда спросить себя, дорогие братья и сестры: а где мы, а мы что и кто по отношению к этому критерию? Мы ведь тоже иногда прячемся подальше от этой иной жизни в ином духе, от жизни иноческой. Говорим: «Мы не готовы, мы слабы. У нас нет знаний и сил. Посмотрите, кто нас окружает — это не тот народ, не те люди». Мы постоянно прячемся от Бога, мы постоянно бежим от Его лица, и когда оказываемся где-то на дне морском, часто зываем к Богу, не понимая, что с нами произошло. Мы постоянно нарушаем слово евангельское, которое говорит: «Мы возможно верующему! Мы постоянно говорим: «Я этого не могу, увольте-с». И когда мы это делаем, мы удаляемся от Христа и приближаемся к тому народу, который мог произнести свой приговор: «Распни!»

В номере:

Словом
«призвание»
называют
разные вещи

Этому и многому
другому была
посвящена встре-
ча поэта Ольги
Седаковой и
Свято-Архангель-
ского братства
с. 4-5

Церковь дана нам Христом...

Мы публикуем два письма
из готовящегося к изданию
сборника писем владыки
Михаила (Мудьюгина) свое-
му духовному сыну и другу
В.А. Никитину.

с. 6

Помирятся ли и пой- мут ли друг друга оба «брата»?

Этот вопрос звучит в докла-
де ректора СФИ, проф.-
свящ. Георгия Кочеткова
«О Церкви как культурооб-
разующем начале»

с. 7

Православный мир — о ситуации в Твери

Церковные деятели, священ-
ники и миряне единодушно
откликнулись на боль тверс-
ких братств

с. 8

Контрмиссия всегда была связана с за- ботой об утвержде- нии идеологического влияния

Интервью с зав. кафедрой
богословских дисциплин
и литургики Свято-Филаре-
товского института
Д.М. Гэгзяном

с. 8

В приложении
«Открытая
встреча» —
ответы на
вопросы и
перепечатки
интересных
интернет-
публикаций

Христос дарует Жизнь всем, кто способен её вместить

Из проповеди свящ. Георгия Кочеткова на Вечерне 7 апреля 2007 г.

Мы с вами знаем, что на Кресте и в Воскресении заключает Спаситель Новый Завет. Это Завет в Его Крови — но и Завет в Его Жизни. Мы с вами должны знать, какая великая цена была заплачена Господом нашим Иисусом Христом за наше спасение, за нашу жизнь, но мы должны и разделить Его Жизнь — вечную Жизнь.

Наша вера во Христа Воскресшего — это вера не абстрактная, это не сказка, это не вера в просто некое чудесное оживление умершего. Христос — Тот, Кто даёт Жизнь с избытком, Жизнь, пребывающую в Боге. Мы исповедуем Христа Богом именно потому, что Он подтвердил Своё звание Сына Божьего делом.

Иисус воскрес, обретя в полноте ту Жизнь, которую имел от начала. И Он дарует эту Жизнь всем, кто способен её вместить, всем, кто открыл через веру своё сердце Ему и через Него — Отцу Небесному, кто способен принять дар Духа, кто способен жить в Новом Завете, в общении Истины и Любви, образуя таким образом Церковь.

Для нас с вами, дорогие братья и сёстры, истина Воскресения Христова — это не просто историческая истина, это Истина богооткровенная, та Истина, которая выходит за рамки истории, потому что в этой исто-

Воскресение Христово. Икона Владимира Григоренко.

рии всегда есть борьба света и тьмы, добра и зла. В Истине Воскресения такой борьбы уже нет. Благодаря этому мы и можем предощущать откровение Царства уже здесь, на земле, в ту меру, в какую мы вешаем дар Духа Христова.

Пусть же, дорогие братья и сёстры, Воскресший Христос откроет нам Путь Жизни и озарит эту нашу жизнь, чтобы мы вместе прославляли Его и чтобы имя Божие славилось во веки веков! Аминь.

Пусть наше слово о Воскресшем Спасителе звучит из глубины верующего сердца

Из проповеди свящ. Георгия Кочеткова на Вечерне 8 апреля 2007 г.

Воскресший Христос встречается со Своими учениками с большой радостью и всегда с желанием творить мир. Этот мир означает и приветствие, радость о встрече, и он же означает великий дар — дар общения с Самим Воскресшим Христом. Вот это множество смыслов того мира, который преподавал Господь Своим ученикам, всей общине апостольской, для нас принципиально важно. Мы должны помнить, что без общения в мире с Господом, без любви к Богу и друг к другу мы не можем принять истину Воскресения.

Вспомним Фому. Он не был вместе с учениками, он все знал только по рассказам. Но вера и общение с Воскресшим у него не складывалась до тех пор, пока не пришел Господь уже в собрание, в котором и находился Фома, и снова не преподавал всем мир. Поэтому когда Христос предлагает ему вложить свой палец в раны и руку в пронзенный бок, чтобы через эти обрести веру, Фома сразу отвечает Воскресшему: «Господь мой и Бог мой!» Он отвечает верой. Он находится в общении с Воскресшим потому, что Воскресший по вере в Него преподавал ему мир. Его познание становится уже не телесным познанием, а познанием духовным, так же как духовным было это общение, и духовным был сам этот мир. Неизвестно, вкладывал ли он свои пальцы в раны — может быть, совсем и нет, даже, скорее всего, этого не было. Хотя первое впечатление из текста обратное: кажется, что Фома обретаёт веру именно в результате этого «эксперимента». Но, дорогие братья и сёстры, мы почти наверняка можем сказать, что не было нужды в эксперименте тогда, когда установилось общение между Христом и апостолом Фомой, когда между ними установилось отношения братской любви, когда сама благодать укрепила в вере неверовавшего прежде апостола.

Господь прямо говорит Фоме: «Ты уверовал, потому что Меня увидел, но должны уверовать и другие — не видевшие». И они будут еще более блаженными, если это общение обретут через слово — так, как и мы с вами обретаем это общение. Мы верим в то, что Христос посреди нас, только постольку, поскольку имеем это общение в вере через слышанное слово. И если мы верим в присутствие Христа, то сомнения наши, даже если они были, уходят. Потому что эта вера становится действительной. И тогда это счастье общения — то блаженство, которое обещал Господь невидевшим и поверившим — приходит. Слава Богу, дорогие братья и сёстры, что мы имеем это

общение через слово, общение в любви, которые перешли к нам, конечно, по традиции, по церковному преданию. Это внутреннее присутствие Христа передавалось от человека к человеку, от сердца к сердцу и оно дошло до нас. И теперь мы должны быть носителями этого дара и передавать его другим. Но мы должны знать, что во внешнем убеждении, а самим присутствием Христовым мы можем убедить других в том, что это общение может распространиться и на них.

Пусть наше слово о Воскресшем Спасителе звучит из глубины верующего сердца, блаженной, счастливой жизни во Христе и со Христом. Но это трудно людям, которые привыкли много думать, многое в жизни рассчитывать. Это трудно людям, которые вярятся во всех противоречиях современной жизни. Это очень трудно — иметь при этом такую детскую, открытую веру, которая бы передавалась от сердца к сердцу. Иногда простые люди легче передают эту веру, у них как бы меньше отвлекающих начал. Но мы не выбираем. Мы живем в обстановке, в которой невозможно абстрагироваться от всех этих отвлекающих моментов. Нам труднее. Древние христиане бы сказали о нашем положении: «Они живут там, где престол сатаны». Да, в каком-то смысле это так. Такие мегаполисы, как Москва — их немного на земле — они всегда в себе таят огромную опасность. Это духовные воронки, это черные дыры, которые пытаются заглотить в себя все живое и не отдают в обмен ничего.

И все-таки, дорогие друзья, если мы с вами есть и если мы знаем, что не только здесь собираются верующие в этот день, и если мы знаем, что Христос посреди нас, если мы об этом свидетельствуем, значит, даже соблазны большого города, как бы они ни пытались нас укушить и утащить за собой, не могут победить силы Христовой любви, Христового общения, ведь она проникает даже туда, где стоит темный престол. Пусть же, дорогие братья и сёстры, сейчас каждый из нас радуется и благодарит за этот дар веры, за это блаженство, полученное нами не по нашим заслугам, скорее даже вопреки нашим деяниям и каким-то нашим внутренним интенциям. Пусть этот дар веры, полученный свыше, станет свидетельством и для людей простых, и для людей, живущих в сложных условиях.

Господь вручает нам это свидетельство о Себе. Он к нам приходит и как бы снова нам говорит: «Мир вам!» А мы в ответ утверждаем лишь одно: «Христос Воскрес!» Народ: *Воистину Воскрес!*

АРХИЕПИСКОП БРЮССЕЛЬСКИЙ СИМОН ВОЗГЛАВИЛ ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕЧЕРНЮ ПЕРЕД ТЕРНОВЫМ ВЕНЦОМ СПАСИТЕЛЯ В СОБОРЕ НОТР-ДАМ В ПАРИЖЕ

В пятницу 16 марта, во время традиционного поклонения Терновому венцу Господа нашего Иисуса Христа, архиепископ Брюссельский и Бельгийский Симон, вместе с сослужившими ему русскими и румынскими священниками, совершил православную вечерню в соборе Нотр-Дам в Париже.

За богослужением русской православный хор исполнял песнопения на церковно-славянском и французском языках. Отырвок из Евангелия был прочитан архиепископом Симоном на церковно-славянском, а священником Сергеем Моделем — на французском языке. В завершение вечерни паломником Симон от имени православных паломников выразил благодарность духовенству собора и рыцарям Святого Гроба за возможность участвовать в почитании святынь Страстей Господних.

Около трех тысяч паломников католического и православного исповеданий из различных стран Европы смогли затем приложиться к великим святыням: Терновому венцу, части Древа Креста Господня и гвоздю Распятия.

На следующий день, в субботу 17 марта, архиепископ Симон, в сослужении епархиального секретаря священника Сергея Моделя и иеромонаха Александра (Синякова), совершил Божественную литургию в часовне доминиканского центра «Истина» в Париже. За богослужением присутствовали директор Центра брат Гиацинт Дестивель и несколько членов ордена. Архиепископ Симон поблагодарил общину доминиканцев и Колледж св. Василия, в котором она располагается, за братское гостеприимство.

ГРЕЧЕСКИЙ МИД ВЫРАЖАЕТ ПОДДЕРЖКУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ ПАТРИАРХУ ФЕОФИЛУ III

Заместитель министра иностранных дел Греции Теодорос Касимис, отвечающий за отношения с греческими православными Патриархатами, заявил в Иордании о полной поддержке Иерусалимского патриархата и лично патриарха Феофила III, сообщает агентство RNN.

Перед этим Касимис провел личные встречи с самим патриархом, с министром иностранных дел Иордании Абделилом Хатибом и депутатом иорданского парламента Аууде Кавасом, православным по вероисповеданию.

«Мы верим, что для Патриархата открывается новый период, и мы убеждены, что со всех сторон будут сделаны продуктивные шаги с тем, чтобы Иерусалимский патриархат обрел былую славу, а патриарх Феофил получил возможность свободно осуществлять свое пастьерское служение», — заявил Касимис после встречи с Кавасом, возглавляющим парламентский комитет по вопросам культуры.

«Вопрос (Иерусалимского) патриархата особенно чувствителен для нас, православных христиан Иордании», — заявил Кавас. — Патриарха Феофила поддерживают в Иордании, причем не только власти, но и народ».

После встреч с главой МИД и другими членами правительства Иордании Касимис посетил монастырь св. Георгия в Мадеве. Здесь в ходе встречи с

патриархом Феофилом заместитель главы греческого МИД рассказал об итогах только что состоявшихся переговоров с иорданскими министрами.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХ ВАРФОЛОМЕЙ ОБВИНИЛ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ЭЛЛАДСКОЙ ЦЕРКВИ В ЭКСПАНСИОНИЗМЕ И ПРЕВЫШЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ

Константинопольский патриарх Варфоломей обвинил архиепископа Афинского и всея Эллады Христоудула в экспансионистской церковной политике, передает «Интерфакс».

В письме владыке Христоуду патриарх Варфоломей призвал его не использовать собственный церковный статус для достижения «личных целей».

Поводом для резкого послания Константинопольского патриарха стало недавнее инициирование Элладской церковью общеевропейского конкурса студенческих исследований, посвященных апостолу Павлу.

Студенческий конкурс был расценен патриархом Варфоломеем как «экспансионистский жест» Элладской церкви. Патриарх напомнил архиепископу Христоуду, что тот не обладает властью над Православными церквями вне Греции.

В последнее время между предстоятелями Константинопольской и Элладской церквей уже возникло несколько споров на почве границ и полномочий церковной власти, сообщает греческая газета «Катимерини».

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ: КАНОНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ С ЕПИСКОПОМ ВАСИЛИЕМ (ОСБОРНОМ) ПОЛНОСТЬЮ УРЕГУЛИРОВАН, НО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ — ОСТАЛСЯ

Проблема, связанная с переходом епископа Василия (Осборна) в юрисдикцию Константинопольского патриархата, полностью канонически урегулирована, заявил 29 марта журналистам председатель Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, комментируя решение Священного Синода от 27 марта.

«Проблема возникла потому, что епископ Василий перешел в Константинопольский патриархат самочинно, без запроса оттуда и без согласия Московского патриархата. Сейчас Константинополь запросил его документы, в которые по обычаю вкладывается отпусковая грамота. Это означает, что Московский патриархат предоставил епископу Василию (Осборну) канонический отпуск, — разъяснил митрополит Кирилл. — Канонический конфликт закончен, а человеческий, к сожалению, остается».

Иерарх отметил, что разрешение данного «канонического недоразумения» является результатом зимней встречи в Женеве делегации Константинопольского патриархата с делегацией РПЦ во главе с председателем ОВЦС.

«Мы отпускаем епископа Василия. Теперь он будет законно представлять Константинопольскую церковь. С ним можно будет сослужить», — сказал митрополит Кирилл.

Принята Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви

27 марта на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви утвержден документ «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви», разработанный Миссионерским отделом Московского Патриархата.

В преамбуле документа отмечается, что принятая в 1995 году «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» в значительной мере выполнила свое назначение. В новом документе, первое рассмотрение которого состоялось еще летом 2005 года, учтен опыт, накопленный за последние годы, а также отражены современное состояние православной миссии и перспективы ее развития.

Принятый документ основывается на документах и материалах Поместного Собора 1917-1918 годов, Архиерейских соборов Русской православной церкви 1994, 1997, 2000 и 2004 годов, опирается на рекомендации докладов Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II, а также на «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», постановления и итоговые документы Всецерковных миссионерских съездов, прошедших до 1917 года и в 1996-2002 гг.

Новая концепция формулирует общие принципы, цели и задачи миссионерского служения Русской Церкви, которые могут творчески развиваться в епархиях, с учетом местных условий и возможностей.

Концепция признает необходимым и перспективным повсеместное издание миссионерской литерату-

ры, в том числе на национальных языках, и применение различных «слов» речи в зависимости от того, на какие слои населения ориентирована проповедь (на детей, молодежь, воинство, госслужащих или ученых).

«Для результативной работы в средствах массовой информации необходимо активно осваивать информационное пространство, используя все многообразие новейших информационных технологий (радиовещание, телевидение, интернет и печатные СМИ)», — говорится в документе. Концепция содержит призыв «придать миссии в информационном пространстве упреждающий характер», что предполагает оперативное реагирование на происходящие в обществе события, а также их своевременную «христианскую оценку» для формирования общественного мнения.

В числе перспективных направлений миссионерской работы женщин указано создание благотворительных учреждений по примеру Марфо-Мариинской обители, основанной в Москве преподобномученицей Елизаветой Федоровной, а также служение в больницах, детских домах, местах лишения свободы.

«Я очень положительно оцениваю миссионерскую концепцию. Это даст нам возможность развивать миссионерскую деятельность на епархиальном и приходском уровнях координированно», — сказал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, комментируя утвержденный Синодом документ. По его словам, в согласовании концепции принимали участие 90 епархий.

На богословском семинаре в домовом храме МГУ были рассмотрены богословские и церковно-практические аспекты таинства Покаяния

26 марта в храме мученицы Татианы при МГУ прошел семинар «Богословские и церковно-практические аспекты таинства Покаяния».

Семинар проводился в рамках подготовки к организации по решению Священного Синода V Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное учение о церковных Таинствах» (Москва, 13-16 ноября 2007 г.).

В работе семинара, который возглавлял архиепископ Вереяский Евгений, ректор МДАиС, приняли участие наместник Данилова монастыря архимандрит Алексий (Поликарпов), ректор ПСТГУ протоиерей Владимир Воробьев, ректор Перервинской семинарии протоиерей Владимир Чувкин, настоятель храма мц. Татианы при МГУ протоиерей Максим Козлов, секретарь Синодальной Богословской комиссии священник Владимир Шмалый, профессор МДА протоиерей Владислав Цыпин, духовник московского духовенства, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском протоиерей Георгий Бреев, духовник московского духовенства, старший священник Зачатьевского монастыря протоиерей Николай Важнов, настоятель храма Софии Премудрости Божией в Средних Саловниках протоиерей Владимир Волгин, наельник Даниловского монастыря игумен Петр (Мещеринов), преподаватель МДА иеромонах Дионисий (Шленов), преподаватель МДА иеромонах Савва (Тутунов); кроме того, на семинаре присутствовали представители Церковно-научного центра РПЦ «Православная энциклопедия», представители Сретенской и Перервинской семинарий.

На семинаре рассматривались как теоретические, так и церковно-практические аспекты таинства Покаяния. По общей мысли участников мероприятия, в настоящее время существует ряд не определенных на общецерковном уровне вопросов таинства Покаяния. К таким вопросам можно отнести и необходимость непосредственного и обязательного соединения таинства Покаяния с Причастием, и меру участия принимающего исповедь в духовной жизни кающегося, и естественное отделение подробной сердечной исповеди, бывающей у многих людей лишь несколько раз в жизни, от регулярной исповеди, обычно ограничивающейся перечислением грехов, и отсутствие общей практики применения епитимий, соотнесенной с современной жизнью Церкви в мире.

Также были затронуты и многие насущные вопросы таинства Покаяния — возможность в современной жизни так называемой «общей исповеди», практика которой, по мысли протоиерея Владимира Воробьева, в настоящее время ничем не оправдана.

Протоиерей Максим Козлов озвучил несколько актуальных вопросов — соотнесенность исповедания у духовно опытного монаха или откровения помыслов настоятелю монастыря с исповедью у пресвитера; необходимость исповедания «повседневных» грехов по сравнению с исповедью смертных грехов.

Священник Владимир Шмалый поднял вопрос о необходимости более четкого определения понятия «смертного греха».

Протоиерей Владислав Цыпин в своем сообщении подчеркнул, что необходимо помнить об исторической составляющей формирования тех или иных канонов, особенно при рассмотрении такого важного аспекта таинства, как епитимья.

Духовник московского духовенства протоиерей Георгий Бреев отметил важность наличия исповеди в таинстве Покаяния, поскольку в момент исповеди человек наиболее восприимчив к пастырскому увещанию. Далее участники семинара продолжили обсуждение поставленных вопросов.

После перерыва основной доклад семинара на тему «Церковно-практические аспекты таинства Покаяния» сделал протоиерей Максим Козлов. В своем выступлении настоятель университетского храма сделал акцент на формулировании вопросов современной практики исповеди. Первая проблема, прозвучавшая в докладе отца Максима, может быть сформулирована следующим образом: может ли сохраняться идущая от синодальной эпохи традиция редкого причащения и, соответственно, редкой исповеди, при которой человек говел недолго, присутствовал на большом количестве богослужений, учитывая современную ситуацию более частого причащения мирян.

Приведя в пример современное положение исповеди в Католической церкви, где после II Ватиканского собора исповедь была вознесена по времени с причастием, а теперь часто и вовсе не существует, отец Максим призвал удерживать и сохранять каноническую норму. Также докладчик говорил об «общей исповеди», отмечая важность ее назидательной, проповеднической составляющей.

Важнейшим аспектом рассматриваемой проблемы является и частая исповедь, когда человек фактически только описывает свое духовное состояние, перечисляет свои основные грехи. Поскольку в сознании людей исповедь связана с чувством глубокого раскаяния в своих грехах, перед человеком возникает трудноразрешимая проблема отсутствия должного настроя при частой исповеди. При этом также важно определить, есть ли необходимость столь подробной исповеди, в которой кающийся вляется в определенные деликатные подробности греха.

Также нуждающимся в общецерковном решении является вопрос детской исповеди. Учитывая проблему более позднего морально-психического взросления детей в настоящее время, по признанию многих священников дети не готовы к сознательной исповеди к 7 годам. Более того, дети быстро привыкают говорить именно то, что ожидают от них священник, привыкая тем самым к исповеди как необходимой, но пустой формальности.

Кроме того, участники семинара обсудили такие вопросы, как необходимость составления общецерковного вопросника для исповеди, исповедь во время богослужения (особенно Литургии). Всестороннему обсуждению подвергся вопрос о необходимости разработки новых епитимийных правил. Также обсуждались вопросы соотнесенности таинства Покаяния и таинства Крещения.

В Государственной Третьяковской галерее состоялась презентация альбома икон сестры Иоанны (Юлии Николаевны Рейтлингер)

25 марта в Государственной Третьяковской галерее состоялась презентация альбома, посвященного творчеству выдающегося художника-иконописца XX столетия, духовной дочери прот. Сергия Булгакова, а затем — прот. Александра Меня, Юлии Николаевны Рейтлингер, в постриге — сестры Иоанны (1898 — 1988).

Альбом, вышедший в прошлом году в издательстве «Русский Путь», уже был представлен в Москве в библиотеке фонда «Русское Зарубежье», в Санкт-Петербурге в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме и в областной библиотеке Твери. Везде драматический жизненный путь с. Иоанны и ее работы, вернувшие иконописи средствами живописи XX века от стилизации под древность и малодуховного подражания религиозной живописи Западу к живому продолжению византийско-русской иконописной традиции, вызвали огромный интерес самых разных людей.

Не стала исключением и встреча в конференц-зале Третьяковской галереи. Многочисленные члены Клуба любителей древнерусской живописи (руководитель — ст. научный сотр. галереи И.Н. Флорова), собравшиеся на свое последнее в этом сезоне заседание, услышали выступление составителя альбома историка Б.Б. Поповой и преподавателя церковной археологии и христианской эстетики Свято-Филаретовского православно-христианского института, магистра богословия, канд. пед. н. А.М. Копировского. Рассказ сопровождался показом икон и фресок с. Иоанны, в т.ч. не вошедших в альбом.

Как писал в 1946 г. лучший художественный критик эмиграции, историк искусства и философ Владимир Вейде: «Во всех ее созданиях наличествуют оба условия, вне которых религиозное искусство одинаково невозможно: подлинное художественное творчество во всей его свободе и подлинная религиозная жизнь». Поэтому глубоко духовное, наполненное удивительной внутренней энергией, особенно в росписях храмов, иногда — уловное и наивное, наследие сестры Иоанны (Рейтлингер), считавшей своим послушанием свободное творчество, продолжает завоевывать все новых и новых зрителей.

В Твери состоялась презентация тетрадей-дневников Евфросинии Антоновны Керсновской

«Сколько стоит человек?» Эти слова были вынесены эпиграфом к презентации тетрадей-дневников Евфросинии Антоновны Керсновской (1908-1994), которую подготовили и провели Спасское и Боголюбское православные братства при поддержке Тверского филиала РГГУ, областной научной библиотеки им. А.М. Горького и фонда Е.А. Керсновской.

В этом году исполняется сто лет со дня рождения Евфросинии Антоновны. Этот date было приурочено издание отдельной книгой её дневников. Это событие собралось в небольшом зале библиотеки более ста жителей города. Ведущий встречи директор филиала РГГУ в Твери, канд. истор. н., доцент Владимир Ильич Лавренов во вступительном слове отметил, что дневники Е.А. Керсновской — «свообразная энциклопедия ала», уникальное свидетельство о возможности человека сопротивляться гнету тоталитарного режима. Своими воспоминаниями о Евфросинии Антоновне поделились глава фонда Е.А. Керсновской Игорь Мосеевич Чапковский и заместитель директора ВГТРК-Тверь Александр Васильевич Лепехин. Редактор издания дневников создавала Татьяна Васильевна Отмашкина рассказала о том, как создавалась эта книга.

Дневники Евфросинии Антоновны — это не мемуары. Это, как она сама говорила, наскальная живопись. Тетради с рисунками, начертанными неопытной рукой, помогают понять быт и жизнь самых страшных лет нашей истории. В ее дневниках почти нет теоретических рассуждений на темы добра, любви, милосердия и терпимости. В них есть просто жизнь, но такая, где все постулаты проверяются реальными поступками и поведением героев, их каждодневным бытом, их отношением к работе и друг к другу.

«Время бежит, и современников тех событий почти не осталось. Большинство людей всегда придерживается инстинкта самосохранения или, как это зовется, «житейской мудрости». Это заставляет их сначала молчать, а затем поддакивать. В конце концов, это заставляет поверить всей той лжи, которая, как пыль, садится тонким слоем на картину прошлого. И когда невозможно уже ничего разглядеть — ее подменяют тем, что выгодно выдавать за правду. Кто потом смеется опровергать официальную версию? Свидетели умирают. С ними умирает правда».

Керсновская обладала высшей степенью свободы, когда и в тюрьме человек не чувствует себя рабом. Страх перед смертью для нее был неизмеримо ниже, чем боязнь потерять внутреннюю свободу. Ее жизнь — свидетельство того, что человек может жить честно, устоять против преступной машины тоталитарного государства, не идя на компромиссы с совестью.

«Вся жизнь — это цепь «соблазнов». Уступи один раз — прощай навсегда душевное равновесие! И будешь жалок, как раздавленный червяк. Нет! Такой судьбы мне не надо, я человек».

Так «сколько стоит человек?» Е. Керсновская отвечает на это: «Человек стоит столько, сколько стоит его слово».

Игорь Корпусов, Боголюбское малое православное братство, г. Тверь. Наталия Игнатович, Информационная служба Свято-Филаретовского института

О ПРИЗВАНИИ

Из материалов встречи Свято-Архангельского братства с О.А. Седиковой

Ольга Седикова: Итак, отец Иоанн предложил мне сегодня говорить о призвании. Это трудное задание, и как обычно, касаясь таких больших тем, я прошу не видеть в моих словах каких-то готовых решений. То, чем я могу поделиться с вами, — это не более чем размышления и наблюдения.

Я думаю, сразу же нужно заметить, что словом *призвание* называют разные вещи. Есть привычное, почти бытовое употребление (в сущности, означающее врожденную склонность к чему-то, талант) — и есть другое, собственно религиозное представление о призвании. Это разные вещи, я думаю. Большие того: что неразличение их опасно, об этом я скажу позже. Во втором случае исходный смысл этого слова — *призыв* — очень ярок и конкретен (есть голос призывающего, есть конкретное дело, к которому того или другого человека призывают, как пророка Иону или Франциска Ассизского или Жанну д'Арк). В первом же случае, в привычном употреблении «призвания», этот смысл — непосредственного, ясного, «со стороны» приходящего призыва — скорее метафоричен. Здесь человек прислушивается к собственному внутреннему расположению. Но я начну с этого первого случая.

Призвание в этом смысле совпадает с физическими и умственными и душевными способностями и склонностями человека. Человек как бы находит *свое* место в мире: здесь ему хорошо как нигде, здесь то, что другим было бы трудно или скучно, доставляет ему удовольствие (как говорят «не оторвешь!»), здесь у него легко получается то, что другим не дается: здесь он *продуктивен*, даетскими словами. Счастлив тот, кто это *свое* место находит рано, и у кого достанет сил держаться за свою находку. Потому что не всякое такое свое место пользуется уважением в обществе, не всегда эту тягу одобряют ближние. Я встречала немало людей, которым родители не дали осуществить такую природную склонность (считая, например, что гуманитарное образование или музыка или философия — ненадежное дело, и вынуждая детей получать «солидное», техническое, скажем, образование). Или другие обстоятельства мешали. Эти люди впоследствии, отдав свой долг сыновнего или дочернего послушания или же дань обстоятельствам, все равно возвращались к тому, что их влекло (обычно уже с уроном упущенных лет) — или же всю жизнь жили с горечью собственной неосуществленности. И это, природное призвание, как мы видим, сильнее человека. Изменить ему без потерь для себя невозможно.

Много ли на свете занятий, к которым испытывают такое ярко выраженное призвание? Мне кажется, беда в том, что мы, современное общество, располагаем очень узким репертуаром таких «призваний». Наука, искусство... что еще? Если есть могут порой сказать, что есть призвание повара, что кто-то повар «по призванию», гениальный кулинар (поскольку кулинария — тоже род творчества), то разговор о призвании, допустим, зубного врача будет звучать уже странно; во всяком случае, непривычно. Между тем я встречала человека, у которого явно было к этому призвание. Ничего на свете не было ему интересней, чем строение зубов и вообще все, что с этим связано, и сама деятельность, которой он занят и которой он служит людям. Это был и талант, и самая сильная увлеченность. Мне приходилось встречать такого же шофера по призванию...

Но обычно такие вещи не обсуждаются. И поскольку они не обсуждаются, то многие люди чувствуют себя обделенными призванием, потому что «человека призвания» привычно искать в очень узком кругу профессий: музыкантов, художников, ученых — в кругу традиционно почитаемых занятий, куда входят «избранники». И это, конечно, большая ошибка, или недосмотр, если хотите. Из-за этого происходит много бед, много жизни ломается — и больше всего, по моим наблюдениям, как раз не у тех, кому не дали осуществить артистическое или интеллектуальное призвание, а у тех, кто выбрал этот путь вопреки явному отсутствию личного призвания. Сколько людей берется писать стихи именно потому, что это высоко ценимое занятие. Или потому, что они в самом деле любят и чувствуют стихи — уже написанные сти-

хи. И в результате жизнь их навсегда испорчена. Дело не в том, что они пишут плохие стихи — хуже другое: они живут ложной жизнью, «жизнью поэта». Они играют чужую роль, и плохо играют, поскольку *что* такое настоящая «жизнь поэта», им не известно, им известен стереотип. Этот стереотип они и разыгрывают в жизни. На настоящего поэта похоже похож настоящий рыбак (вообще кто угодно настоящий), чем такое изделие. Да, область «творческих профессий» — это место, где больше всего совершаются ошибки, где люди выбирают себе чужую жизнь.

Стоило бы превратить эту инерцию, стоило бы принять во внимание, какими разными — и какими неожиданными — могут быть настоящие профессиональные призвания. И не только профессиональные — круг наличных в нашей цивилизации профессий куда уже наклонности

стороны может показаться, что профессиональный музыкант, исполнитель — мученик. Несколько часов сидеть над каким-то одним пассажем? Для меня бы это было прорывом! Но для него это вовсе не принудительный и тупой труд, это и есть его призвание. А что говорить о физических страданиях балерин? Или о филологе, перерывающем груды томов в поисках одного слова? Представление о каких-то отвлеченных от «труда» «способностях» очень поверхностно. Способность к терпению и труду — часть дара, может, определяющая часть. Но подчеркну — *способность к труду*, счастье добровольного труда.

Конечно, не стоит упрощать. Бывает, что человеку видится, что призвание требует от него слишком многого, и ему хочется сбежать и заняться другим, или ничем. Хорошо если тебя поправит и на-

И ответил ей Господь: Марфа, Марфа, заботишься ты и беспокоишься о многом, а одно только нужно: Мария же благу долю избрала, которая не отнимется у нее. (Лк 10:38-42)

Христос с Марфой и Марией. Рембрандт Харменс ван Рейн

человека! Нет такой профессии «друг», скажем, а призвание быть другом есть. И самый простой, я думаю, критерий различения призвания: чувствует ли человек, что ему хорошо, когда он занят тем или другим. Работа по предназначению, по призванию, доставляет радость сама по себе, независимо от ее результатов. Человеку в это время больше ничего не нужно. Ему не так уж важно, принесет ли это ему успех, признание. Он счастлив, когда он просто делает *вот это*. Он чувствует, что здесь, именно здесь полнота его жизни. И это могут быть страннейшие вещи. Вот что, вероятно, нужно напомнить современному человеку, который настроен на очень узкий репертуар «призваний», — что их гораздо больше. Стоит просто быть к себе внимательнее и замечать, где тебе хорошо. Где тебе хорошо, там ты делаешь *свое* дело. Это и есть природное призвание. Оставим пока это слово, хотя, мне кажется, здесь более уместно другое слово: предназначение, скажем. Но — возражу я себе — и это критерий не абсолютный. Ведь графоману бывает *очень* хорошо, когда он составляет свои вирши! Он переживает экстаз, какого и Шекспир не знал. И безумец часто чувствует себя «на своем месте» больше, чем здоровый человек! Стоит задуматься...

Но так или иначе, это осуществляемое природное призвание или совпадение с собственным местом — великая удача. Если такое случилось, рано или поздно, человек может сказать: «Наконец я знаю, что такое жизнь. Я живу, а не отбываю срок и не отравляю долг, я на своем месте». Такое может случиться в разные времена, в разные эпохи человеческой жизни. В детстве, в юности, а бывает, и достаточно поздно. Вдруг человек находит какую-то точку, где ему хорошо, где он как будто и должен быть, находит то, для чего он рожден.

Но повторю, мы пока говорим не о собственно духовном призвании. О природном даре, природном влечении. И такое природное призвание несомненно к чему-то обязывает. Когда говорят, что Н.Н. — человек способный, но ленивый, то скорее всего, он просто не слишком способный, не до конца способный. Потому что настоящая способность — это и способность трудиться. Для человека со

стороны может показаться, что мальчику Моцарту приставлен такой отец, который не даст ему сбежать от призвания. Но, повторю, сама способность к труду — это, может быть, самая главная способность. Способность к росту, способность к тому, чтобы не жалеть себя и не чувствовать при этом, что твои труды — это «жертва», за которой должно последовать какое-то вознаграждение, какое-то достижение (как пушкинский Сальери описывает свои занятия). В советское время не любили тему *дара*: она не вписывалась в материалистическое мировоззрение, в классовую теорию, в популярную эстетику. Предпочитали говорить о труде. Людей, дескать, различает не некая таинственная одаренность, а просто трудолюбие. Приводили при этом разные авторитетные мнения, вроде слов П.И. Чайковского о том, что в произведении не то 90 % труда, не то 95 % (не помню статистику), и соответственно 10 или 5 % таланта. Те, кто стали великими, просто хорошо поработали. Это несомненно правда! Одно здесь умолчано: что это *дар* труда, вдохновение свободного труда.

Когда на пламени труда Живей кипит воображение, как писал Пушкин. Как ты ни заставляй и ни уговаривай потрудиться того, у кого к этому нет дара, ничего не получится. В таком труде не будет огня. И кипеть на нем нечему.

Так что само это разделение на «талант» и «дар» слишком плоское. И не только труд или «работоспособность» входит в дар, но и своего рода стихийная аскеза. Какое-то принятие ограничений, естественная аскеза есть в каждом из таких природных призваний. Как известно, апостол Павел ставит в образец христианам атлетов, спортсменов: если они хотят победить, они непременно воздерживаются от того или другого. Спортсмен — самый наглядный образец физической аскезы. Чтобы тело твое оставалось послушным, и его можно было использовать как хороший инструмент, от многого следует отказаться. В других профессиях такое естественное воздержание может быть меньше связано с чисто физическими ограничениями, а скорее с умственными и душевными. Здесь опытный мастер — в каком-то смысле сам себе тренер, он знает и постоянно узнает, что

вредно для его дела, после чего он не может вернуться к своей работе. Быть может, есть здесь и общие простейшие закономерности. Например, все, что рассеивает, все, что развлекает, все, что оглушает, — это очень затрудняет людям умственного труда возвращение в свою область.

И вероятно, только людей призвания, занятых тем, что они любят, что они ставят выше себя, можно назвать вполне состоявшимися людьми. Им можно позволить завидовать, каково бы ни было их призвание: у них есть то, чего не отнимают никакие обстоятельства. В любых обстоятельствах они займутся своим делом. Мне приходилось слышать, в каких обстоятельствах это оказывалось возможным. Так великий астроном Козырев рассказывал, как в сталинских лагерях, прикованный к тачке, он наблюдал звездное небо. И тачка, и заключение становились для него второстепенным обстоятельством. Он продолжал свое дело. Или мой учитель, филолог Михаил Викторович Панов рассказывал: в действующей армии, на передовой (он был артиллеристом), когда уже началась немецкая атака, он думал о возможности верлибра, свободного стиха в русском языке. Бояться атаки ему было некогда.

Вот что такое призвание. Оно как бы вынимает человека из непосредственных обстоятельств, освобождает — и дает ему опору навсегда. Мы говорили, что это требует и труда, и определенного воздержания, но все это воспринимается как добровольное дело. Таких людей часто описывают как героических и жертвенных, но изнутри это выглядит совсем не так. Они рады тому, что делают, они этим живы, и у них нет чувства принесения тяжелой жертвы. Владимир Вениаминович Библин последнюю ночь своей жизни провел за правкой книги о Витгенштейне. У него не было уже сил пошевелить пальцем. Редактор сидел у постели и зачитывал ему влук не выясненные места. Они проверяли перекрестные ссылки. И кончили это *технический* (!) труд только тогда, когда Владимир Вениаминович заснул. Это был его последний день. Многие скажут: вот героизм, неслыханное самопожертвование! Но я уверена, сам Библин с этим был не согласен: для него это было не жертвой, а спасением, самой жизнью. Жизнью до последнего момента.

Мы говорили уже о невнимании общества к многим призваниям, предназначениям, о слишком узком круге «избранных» занятий. И вот если человек попал не на свое место, он всегда будет чувствовать себя каким-то никчемным, отбывающим срок жизни. Он будет неспокойно относиться к другим, завидовать... А можно было бы попытаться найти, где же все-таки мое настоящее место. Оно может быть очень странным. Про себя я, например, могу определенно сказать: у меня явно есть призвание быть уборщицей и садовым рабочим. В такого рода занятиях я не чувствую труда, они дарят мне лучшее из удовольствий — удовольствие чистой совести. И что же? Бросить другие мои занятия и пойти в уборщицы? Поразмыслив, я думаю, что это «призвание» уборщицы по существу не противоречит тому, чем я занимаюсь в других областях, в слове, в мысли. В принципе я делаю что-то похожее и там. Мне хочется освободить пространство от лишнего, грязных, испорченных вещей. Не наполнить его чем-то еще, а скорее — освободить. Так что моя страсть к уборке и расчистке сада скорее дает мне наглядный образ моих умственных занятий. Следить и увязывать...

Что отличает людей, которые действительно наши свое место? Прежде всего, как я замечала, то, что они гораздо меньше думают о себе. Они свободнее от фундаментальной болезни современности, от этого бесконечно проблемного «я». Кто я такой, и каков я и т.п., и т.п.... Наполеон я или тварь дрожащая, гений я или не гений? В их случае это не то чтобы скромность: это занятость.

Вы помните, этим вопросом Сальери: и я не гений? — кончается «Моцарт и Сальери» Пушкина. Отец Иоанн просил меня в ходе разговора коснуться этой вещи, «Моцарта и Сальери». Что это за контраст: дара и труда — или избранника и самозванца? Сальери не самозванец. У него явно есть призвание, рано открывшаяся впечатлительность и страсть к музыке (как он описывает свое первое впе-

чтание от музыки в детстве, как он чувствовал музыку (Моцарта). Вероятно, ошибка его в другом: его призвание не творческое. Музыкальное, но не творческое. Если бы он стал... Нехорошо делать такие эксперименты с произведением искусства, но, допустим, что мы рассматриваем пушкинское сочинение как случай из жизни. Допустим, такой человек, как Сальери, который с первых дней так чувствует силу музыки, который так понимает с первого слова то, что ему играет Моцарт, какое у него может быть призвание? Интерпретатора. Критика. Исследователя музыки. Несомненно. И если бы он стал критиком, великим, пронзительным критиком? Почему ему это не пришло в голову? Потому что композитор, творец заведомо выше. Создавать музыку почтнее, чем ее интерпретировать. А если бы он стал критиком, ему не пришло бы в голову мерять себя Моцартом. Это совершенно другое. Моцарт же — подчеркнут: как он изображен Пушкиным — этим критическим чувством совсем не обладает. Ему это не нужно. Он играет, и не может оценить того, что играет. Они прекрасно дополняли бы друг друга: создатель — и интерпретатор.

Характерно, что как раз у пушкинского Сальери, у человека, который занимается не совсем своим делом, все время встает вопрос: зачем? Какая польза? Он постоянно спрашивает: какая польза в гении Моцарта? Человек на своем месте этого не спрашивает — как природа не спрашивает, зачем она что-то делает: зачем течет река, зачем стоят горы. У Мейстера Экхарта есть размышление о том, что, если бы мы тысячу лет задавали вопрос жизни, зачем она живет, и она соизволила бы нам ответить, ее ответом было бы: «Я живу чтобы жить».

Мой учитель Никита Ильич Толстой как-то сказал мне, еще в университетские годы: «Если Вам, Оля, за каким-то делом придет в голову вопрос: а зачем это? — бросайте это дело (речь шла о выборе темы исследования). Все можно делать только до тех пор, пока не возникает вопрос: а зачем это? Это знак того, что Вы не на своем простом месте. Все настоящее делается ни за чем. Просто так».

Итак, мы пока говорили о природных призваниях. Духовное призвание в собственном смысле, я думаю, совсем другое. Это несомненно так, если мы обратимся к реальным историям таких призваний. Ими полно повествование Священного Писания.

Но предварительное замечание: как и в первом случае, стоит помнить о многообразии призваний, об их неожиданности. Св. Писание предлагает нам истории великих призваний, истории людей, решительно избранных из среды своего народа. Следует ли из этого, что есть непризванные люди и, больше того, что именно таких людей — большинство, людей без духовного призвания? Я думаю, вы согласитесь со мной, что у каждого человека, поскольку он сотворен человеком, должно быть свое место, должен быть замысел о нем. Понять этот замысел, совпасть с ним — другое дело. Но не может быть человека, который ни для чего не нужен. Ненужного человека, совсем ненужного не может быть. Иначе мы с вами исповедовали бы другое богословие.

Герой Пастернака («Доктор Живаго») говорит: вы забываете о воскресении, но вы не заметили, что вы уже один раз воскресли — когда родились, когда были привнесены из небытия в бытие. Это уже воскресение, первое воскресение. И в этом смысле каждый рожденный человек уже призван, вызван из небытия для жизни.

Кто меня веселый владыко Из ничтожества воззвал?

как спрашивает Пушкин в печальных стихах, написанных к дню своего рождения («ничтожество» на его языке — небытие). Сама по себе жизнь есть призвание. Ее могло бы не быть. Нельзя принимать это как простую данность: ну живу — и живу. Стоит помнить, что мы призваны к жизни, и сама по себе жизнь уже есть духовное призвание. Так что кроме различного призвания, допустим, музыкального или какого-то еще, есть это первое и общее человеческое призвание — жизнь. Здесь исключений нет, если мы разделяем христианскую веру, если мы повторяем, что Христос «освещает и просвещает всякого человека, приходящего

в мир», то не может быть и ненужных, не избранных для жизни, не просвещенных изначально людей. Это, я думаю, и есть первое духовное призвание: жить.

А другое призвание, так сказать, второе избрание, призвание уже в строгом и конкретном смысле слова — о нем и повествуют библейские истории. Здесь в слове «призвание» звучит его прямая, исходный смысл: зов. Этот зов принадлежит Другому. Сам человек не может себя призвать. Прежде должен быть голос, который зовет. Человек отвечает на этот зов, как ответил Авраам — и пошел неизвестно куда.

Вот здесь-то мы видим очень странную вещь. Если природное призвание, как мы описывали, в глубочайшем смысле соответствует природе человека, то здесь как будто все прямо наоборот. Это призвание противоречит всей данности человека, которого призывают. Первое, что говорит такой призванный человек, это, как правило, отказ. Он отвечает, что просто не может исполнить того, что от него требуется, по совершенно очевидным причинам. Пожалуй, я не вспомню противоположных случаев. Авраам как будто не спорил. Но дальше... Уже престарелая Сарра смеется, когда ей предвещают родить сына. Самая вопиющая история — это, конечно, Иона. Вот до чего он сопротивлялся, до того, что попал уже в брюхо рыбы: но и после этого не перестал. Вспомните все эти призвания — вплоть до Благовещения (надеюсь, что это не звучит кощунственно). Первое слово Призванной: «Но как я могу это сделать? Я не знала мужа». Призванные призываются как невероятным для них везением, к невозможному. «Объективно» невозможно. Пророки приводят доказательства этой невозможности: Иеремия молод, Моисей косноязычен...

Почему же здесь человек выбирается как бы вопреки его природе и наличным возможностям? Девиз или старуха — чтобы родить, мальчик — чтобы поучать старцев... Это, я думаю, остается тайной. Но как будто бы в универсальный сюжет призвания входит сопротивление того, что призван. Почему-то он сопротивляется. И он по-своему прав! Это как если бы хромому велели идти танцором или немому — спеть арию. Почему бы не выбрать для этого более подходящих исполнителей? И вот здесь — в отличие от того, что мы назвали природным призванием, — вместе с призванием создается другая, новая природа человека. Он получает все необходимое для исполнения призыва. Моисею дается дар речи и т.д. Исходные, данные свойства человека оказываются несущественными. Почему так? Мы можем только остановиться в недоумении. В самом деле: почему бы не выбрать блестящего оратора, чтобы он говорил с народом? почему бы не послать менее строитного человека, который сразу же ответил бы: «Да, я сейчас же пойду в Ниневию и все им расскажу». Нет, почему-то почти всегда выбирается такой сопротивляющийся материал. Быть может, для того, чтобы была очевиднее, как говорится, слава Божия, сила, которая совершается в бессилии, — вот, вновь из ничего, из праха творится человек, когда это нужно. Но может быть, есть другая готовность и пригодность, которых сам человек в себе не знает — и на основании которых он и призывается... Во всяком случае, библейские истории призвания как-то проясняют ту высочайшую ценность, которой в христианстве наделяется послушание. Мучение послушания, труд его и загадка состоят в том, что оно чаще всего противоречит нашей наличной природе. Наша природа, наши склонности отталкивают его: нам велят *другое!* И мы не можем сказать: «Чур, не я! Нет, это не для меня, это для кого-то другого!».

Вот на этом я и кончу.

И. Пономарева: Значит ли то, что если человек не задает себе вопроса о своем призвании, значит ли это, что он просто духовно незрелый? И наоборот, если он задумывается, ищет, это знак его духовной зрелости? Есть какая-то здесь закономерность?

Ольга Седякина: Вы знаете, бывают очень суетные поиски. В искусстве это очевидно. Не помню, кто из замечательных мастеров сказал об «исканиях»: «они ищут там, где нужно находить». «Находить» как будто ненароком. «Искать» можно до конца жизни. Бывает, что такие

поиски — вовсе не знак того, что человек созрел, а как раз наоборот. Кроме того, человек может исполнять свое задание безо всяких поисков, даже не думая, что он что-то особенное делает. Вы наверняка знаете известный сюжет в разных Патериках: великий подвижник в пустыне в какой-то момент решает, что он достиг последних высот в духовном совершенстве и спрашивает в молитве, есть ли кто достигший большего? И слышит ответ: «Поезжай в такой-то город и там на той-то улице ты увидишь сапожника: как вот он достиг большего». Он слушается, находит этого сапожника и спрашивает его о духовных подвигах. Сапожник же ему говорит: «А я ничего особенного не делаю». В дальнейшем выясняется, что то, что он делает не замечая и не считая особым духовным делом, и есть лучшее исполнение духовных требований. (Этот сюжет по-новому повторил Лев Толстой в «Отце Сергии»; помните, как отец Сергий навещает Пашеньку?) Может быть и такое. Человек исполняет призвание, не ища его, не видя, не отдавая себе в этом отчета. И такое исполнение может быть оценено выше. Видимо потому, что оно совсем искреннее. Что это и есть та самая «полная мира» и «переполненная чаша». Такая мера самоотдачи, что не остается пространства для взгляда на собственное действие со стороны.

В шестой же месяц послан был ангел Гавриил от Бога в город Галлазский, по имени Назарет, к деве, обрученной мужу по имени Иосиф, из дома Давидова; и имя девы — Марьям. (Лк 1.26-27). Рембрандт Харменс ван Рейн

Нет, я не стала бы говорить со всей определенностью, что те, кто ищут, уже проснулись, а те, кто не ищут, спят. Наверно, какое-то другое различие нужно найти для такого сна и пробуждения.

И. Пономарева: Ольга Александровна, а по каким законам должен жить человек призванный? Если он действительно однажды понял, что никогда не деться?

Ольга Седякина: Я думаю, что он и будет их открывать. Будет открывать эти законы. Он будет понимать, что лично ему (здесь очень важен этот личный момент) во вред и на пользу. Другим вот это, например, можно, а ему почему-то нельзя. Он может даже и не уметь объяснить себе, почему. Но откуда-то он это очень точно знает: он знает — или чувствует (Бродский говорил, что он руководится нюхом, как собака) на каком месте он может нарушить что-то такое, что отразится на его даре. Есть поразительное место в дневниках Толстого (В.В. Библихин его часто вспоминал): «можно убить человека и не совершить греха, а можно так откусить кусок хлеба, что это будет смертельный грех». Это наблюдение художника. Мы знаем рассказы, правдивые и апокрифические, о разгульной жизни знаменитых художников. Но их произведений эти грубые нарушения морали почему-то фатальным образом не отражаются. Но есть то, что непременно отразилось бы, что исказило бы самое существо призвания. Что это? Я думаю, в разных случаях разное. Это зависит, видимо, от самой вещи, которую от него ждут, к которой он призван. Что нужно для этой вещи, то от него и требуется.

Е. Новикова: Ольга Александровна, как Вы думаете, возможен ли такой вариант: человек так и не нашел предназначенного ему места, как первую ступень, которую Вы назвали, но в то же время он исполнил

призвание? То есть, духовное призвание он исполнил, а предназначение своего не нашел.

Ольга Седякина: Думаю, да. В таком случае мы можем думать, что его предназначение и было духовным призванием, а не чем-то другим. Про того сапожника из Патерика, о котором мы вспоминали, не сказано, чтобы он был изумительным, лучшим сапожником в городе. Сказано, что заработанные этим ремеслом деньги он раздавал.

Е. Новикова: А, например, когда предназначение человека вступает в противоречие с его призванием?

Ольга Седякина: Да, спасибо, Ваш вопрос напомнил мне, что я еще не сказала одну важную вещь, о которой собиралась сказать. Если это предназначение (природное влечение, талант, способность найти свое место в жизни и быть продуктивным на этом месте), если его принимают за собственно духовное призвание, что часто бывает, это очень опасная вещь. Тогда служение своему предназначению, дару превращается в идолопоклонство. А идолы, как любил повторять Аверинцев, требуют человеческих жертвоприношений. Есть интересный рассказ молодого Пастернака «Параллельные октавы», об организме, который в увлечении своей игрой убивает собственного сына. Поздний отголосок романтического культа художника. Как бы не обсуждали запредельную для человеческого понимания историю жертвоприношения Авраама, это совсем другое дело. Пастернаковский художник не ведает, что творит. Он до всякого требования жертвы готов допустить для близких что угодно ради своего служения. Обожествление искусства, как и любое другое сотворение кумиров, плохо кончается. Но я уверена, что художники, которым удалось создать нечто великое, создали его именно потому, что не поклонялись искусству или творчеству как таковому, а все прочее и всех прочих считали лишь средством или материалом для него. Такого рода поклонение свойственно как раз людям типа Сальери, полупризванным*.

В. Захаров: Ольга Александровна, скажите, пожалуйста, предназначение дает человеку какую-то свободу: свободу от отчужденности, свободу от отчужденности от своих чувств, от своих мыслей. А призвание человека, не основано ли оно уже на обречении человеком этой свободы, на обречении предназначения, о котором Вы говорили, что человек сможет услышать призыв только тогда, когда он в него поверит, когда он не будет для него только лишь внешним, когда он внутри у него раздается и он узнает его. Именно узнает как свое. А для этого опыт своего уже должен быть внутри.

Ольга Седякина: Да, конечно, я думаю, что это очень важно. Я помню замечательный фильм о Франциске Ассизском «Брат солнце, сестра луна». Молодой Франциск вместе с другими юношами Ассизи собирается на войну. Он добровольно нанимается в войско городского аристократа, готовящегося воевать с соседним городом, Перуджей, потому что таким образом надеется быть причисленным к рыцарям. Как известно, он с детства мечтал принадлежать к благородному сословию. И участие в военном походе — самый прямой путь к этому. Поскольку Франциск был сыном богатого купца, он приобрел доспехи лучше, чем у дворян (причем он отдал их обнищавшему рыцарю, и вообще поход этот для него окончился тяжелым кризисом, но я не об этом, не о жизни, а о фильме). Так вот, совершается молебен перед походом. Проходит священник, и привычно, довольно рассеянно машет калитом перед строем воинов. Они стоят и воспринимают все это тоже привычно и машинально. Всем понятно, что это более-менее формальный обряд. Но когда дым касается Франциска, он вдруг вздрагивает, вдыхает и прислушивается. Мы видим, что лицо его изменилось, в нем что-то происходит. Благоновие достигнуто. Эта сцена — полностью режиссерское создание, в житиях Франциска этого эпизода нет — мне кажется очень знаменательной. Она дает нам увидеть, как все происходит в действительности: калят перед многими, а вдыхает дым почему-то кто-то один.

* Две следующих реплики см. в приложении «Открытая встреча»

В июне 1988 года в Москве открылся Свято-Филаретовский православно-христианский институт — тогда Московская высшая православно-христианская школа — первая в наступающем новом времени страны Высшая христианская школа для мира, родившаяся «снизу», как ответ на насущную потребность церкви в высокообразованных, воцерковленных, служащих ее членах. Прошедшие 20 лет — это целая эпоха для нашего народа и нашей церкви. О том, как прожил ее институт, как он служил возрождению Церкви Христовой и нашего народа, о людях, которые работали, преподавали и учились, поддерживали институт молитвой и своим добрым именем, мы хотим рассказывать в новой рубрике «Ключи».

Сегодня мы расскажем об одном из тех, кто вошел в Почепительский совет СФИ, сформированный в 1996 году для научной, духовной, моральной и материальной помощи институту. Члены Почепительского совета — это не только известные ученые в своей области, но и свидетели истины и правды современной церковной и общественной жизни. Среди них единственный почивший член совета архиепископ Михаил (Мудьюгин), который проявил духовный героизм и удивительное подвижничество, всей душой поддерживая Свято-Филаретовский институт, используя весь свой

авторитет, все свои возможности для помощи в становлении и развитии института.

Истинный пастырь и благодетель Церкви Христовой, магистр богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии архиепископ Михаил родился 12 мая 1912 г. в Санкт-Петербурге. Получил разностороннее образование, закончил Институт иностранных языков, Институт металлургического образования, а в 1964 г. — Ленинградскую духовную академию. Работал чернорабочим на заводе «Красный пушелодец», затем — в конструкторском бюро, занимался научными исследованиями, защитил диссертацию, был доцентом Ленинградского Горного института.

Церковный путь будущего архиепископа начался очень рано. Его мать была членом братства Александро-Невской лавры, созданного и возглавляемого исповедниками веры братьями архимандритами Гурием и Львом (Егоровыми). В 1930 г. по делу братства вместе с матерью он был арестован и содержался в тюрьме.

Еще в детстве начал читать в церкви и был посвящен в стихарь священномучеником митрополитом Вениамином Петроградским. В 1958 г. рукоположен во священника, служил в Вологодской епархии, а с 1966 г. начал преподавать в Ленинградском духовном институте и скоро стал ее ректором.

В 1966 г., откликнувшись на настоятельную просьбу архиеп. Никодима (Ротова), был возведен в сан епископа. Был викарием Ленинградской митрополии, епископом Астраханским, а затем — архиепископом Вологодским. В 1993 г. ушел по возрасту за штат.

Всю свою жизнь архиепископ Михаил помнил и старался воплощать в жизнь заветы той церковной среды, в которой был воспитан, в особенности — идеи, которыми вдохновлялись новомученики и исповедники российских, деятели Московского собора 1917—1918 гг., будучи, таким образом, одним из немногих архиереев, сохранивших не только иерархическую, но и духовную преемственность с тем духом, что было в Российской церкви до трагедии 1917 г. Особенно он ревновал о просвещении народа Божьего, и в связи с этим — о доступности и понятности в церкви слова Божьего — в чтении Священного писания и богослужении в целом. «Каждое слово в церкви должно быть полезным, должно ложиться в ум человека и его сердце», — говорил он и старался делать все, чтобы это стало реальностью.

Сейчас Воскресенским православным братством готовится к изданию сборник писем владыки Михаила своему духовному сыну и другу В.А. Никитину. С его разрешения мы публикуем два письма из этого сборника.

ЦЕРКОВЬ ДАНА НАМ ХРИСТОМ...

22/Х 77

Дорогой Валя!

Вчера получил Твое письмо. Как хорошо получать письма, которых содержание радует, волнует и настраивает на серьезные мысли! Твое письмо так меня настроило, что, как видишь, отвечаю с непривычной быстротой.

Прежде всего, почему Ты не извещаешь о полученных журналах, хотя я об этом уже спрашивал? А следовало бы извещать без всяких запросов. Я послал Тебе сначала два ЖМП, а потом БТ 17 с еще каким-то ЖМП, и все как в воду кануло. Правда, сегодня получил от Тебя какие-то 9-50 на имя Управления и догадываюсь, что это наложенный платеж, но надо было все же сразу же извещать. А вот письмо отправление (два ЖМП) так и осталось с неизвестной судьбой. Вот просишь у меня Карташева, я пришлю (из Ленинграда) и опять буду томиться неизвестностью, попала ли эта ценная книга адресату или нет! В этих делах необходима строжайшая аккуратность.

Теперь перехожу к более существенным делам. Ты желаешь мне «долгих лет служения Святому Православию». Это штампованное выражение приемлемо для меня с существенной оговоркой. Дело в том, что самым православным является Иисус Христос; никто не славил Бога так «правдо», как Он. Я понимаю свою жизнь (не считая грехов и благоглупостей) как служение Богу, открывшему нам Себя в Личности Господа Иисуса Христа, а Православию лишь постольку, поскольку оно равняется на Него, нашего Спасителя и Господа, а оно не всегда равняется! Иначе, возвращаясь к примененной Тобой формуле, оно не всегда свято и поэтому не всегда «правдо» в своем прославлении Господа. Это именно утверждается в общехристианском действительно православном афоризме: «Един свят, един Господь Иисус Христос во Имя Бога Отца». Что касается имяславия и имябожества, то это болезненные прыжки на церковном теле, которые, Слава Богу, не сильно разрослись и практически отмерли. Это результат человеческой узости, тупости, желания пооригинальничать, а общим — явления мерзкие, за которые можно только краснеть. Тратить время на их изучение просто не стоит. Даже пресловутая «софийность» Булгакова и К, при всей своей надуманности и еретичности (так хорошо вскрытой в свое время патр-хом Сергием Страгородским) все же явление более серьезное в богословском мышлении, чем упомянутая Тобой белиберда.

Еще одно размышление. Ты пишешь, что Карташев Тебе нужен для «уразумения борьбы Православной Церкви с еретическими учениями». Карташев дает историю Вселенских Соборов. Во времена семи Всел. Соборов (т.е. до 787 г. — время созыва последнего из них) термин «Православная Церковь» не применялся, его просто еще не изобрели. Церковь называлась Каф(т)олической (т.е. вселенской), христианской, апостольской и других наименований не было. Термин «православная» (ортодоксальная) появилась много позднее; еще позднее (только в славянском мире) возник термин «соборная» (которым в славянском переводе Символа Веры подменили слово католическая, т.е. вселенская, что отнюдь не однозначно с «соборная»), а существительное «соборность» впервые было применено известным славянофилом Самариным в середине XIX в.

Очень Тебя благодарим за благодарственный и объективный отзыв о «Катюше». Совершенно с Твоими замечаниями в целом согласен. Неясным остается только, почему Ты считаешь рассказ о Давиде и Урии как-то Deus ex machina? Прочти внимательно предшествующую главу и само выступление Наума Самойловича, и Ты увидишь, что поведение Елены, т.е. ее сближение с героем повести было замечено сослуживцами и вызвало их осуждение; у Н.С. оно прорвалось нару-

жу в тактичной форме библейской аналогии! Какое уж Deus ex machina? Затем песню солдаты поют на улице уже после того, как искушение было преодолено, а Ты пишешь, «одна лишь песня о верности врал ли могла подвигнуть Елену на противостояние соблазну». Посмотри и напиши мне, правильно ли воспоминание, которое я сохранил.

Сомневаюсь, чтобы Света когда-нибудь напечатала эти литературные опысы: хотя она и говорит, что я сам виноват, не отдав ей их в печать до сих пор, однако, она так сильно и часто боится, что и с основной работой теперь не справляется. Конечно, было бы здорово при-

вести все в порядок и что-то попытаться напечатать не только на машинке! Однако для этого требуются объединенные усилия, Твои и мои, а м.б., с привлечением еще и других, хотя бы технических сил, а все мы отчаянно заняты. А все-таки, может быть.

Я согласен на правку «Катюши» в том духе, как Ты считаешь нужным.

Ну, на этом пока кончаю. Желаю Тебе, дорогой, больших успехов и особенно здоровья, которое в Твоих условиях самое важное и что является Твоим уязвимым местом.

Привет тебе от Норы (она сейчас у нас с Гарриком) и Светы. Налезю в ноябре побывать в родном городе. Призываю благословение Божие и целую.

Твой А. Михаил

28/Ш - 1979 г.

Дорогой Валя!

Благодарю за письмо и за выполнение моей просьбы: Ширинкин сразу же прислал мне телеграфный ответ.

Очень рад, что мои заметки оказались в какой-то степени полезными. Что касается высказывания, которое меня так взволновало, то кому бы оно ни принадлежало, оно не просто неверно: оно опасно, и я объясню почему.

В Церкви (в нашей РПЦ) есть множество людей (чуть ли не большинство неформальных верующих), которые любят Церковь, но не любят Христа. Они влюблены в церковную внешность, порядок, чин, устав, обрядность, «благолепие», иконы, пение и прочие элементы и стороны церковной жизнедеятельности, но

Христа они не знают и, конечно, не любят, а следовательно не любят Бога (Ио. XIV, 21; XVII, 26). К ним полностью относятся слова «тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим». Конечно, каждый из нас, членов Церкви, находится под действием этого искушения, но многие подпадают ему с чрезмерностью, и, самое страшное, им кажется, что все в порядке, что они находятся на пути спасения. «Ну как же? Ведь Церковь! Что может быть святее и выше! Ведь Церковь мы познаем Христа».

В последнем утверждении до сих пор верно, но здесь один шаг до того, что меня встревожило: «Церковь дала нам Христа», а это уже совершенно неверно, ибо ставит Церковь над ХРИСТОМ, уже не только в «благочестивой» (чаще всего — в тошнотворной флейной) практике, но уже и в теории, в богословской формулировке!

Наоборот, Церковь — дана нам ХРИСТОМ, Ее СОЗДАТЕЛЕМ и ГЛАВОЙ, и дана как средство нашего спасения, нашего восхождения к БОГУ через Того же Богочеловека ИИСУСА ХРИСТА.

В ХРИСТЕ есть БОЖЕСТВЕННОСТЬ и человечность, но человечность безгрешная; в Церкви тоже Божественное Начало (ДУХ СВЯТОЙ) и человеческое, но последнее отнюдь не безгрешно. Поэтому из Церкви нельзя делать себе кумира, — нельзя ее обоготворять, ни практически, ни теоретически, нельзя, чтобы она с ее «преданиями старцев» (Мф. XV, 2-3) закрывала собой правду и красоту Божию, подобно тому, как иконостас скрывает от нас СВЯТЫНЮ, находящуюся и совершающуюся на Престоле (чего, к счастью, нет ни у католиков, ни у протестантов).

ХРИСТОС призывает нас любить БОГА и ближних, но нигде не призывает любить Церковь! Правда, Церковь состоит из ближних и должна была бы объединять их так, чтобы не было друг другу более близких людей на свете, чем членов «Единой святой христианской Церкви» (это слова Апостольского Символа веры), но разве она это осуществляет?

Сколько в Церкви, в нас, ее членах, всякой гадости! Святость Церкви, ее Таинств, возвещаемого ею Слова Божия от этого не помирает, но о наличии в ней элемента человеческого, в т.ч. вносимого людьми зла, не следует забывать, наоборот, надо о нем помнить, чтобы с ним бороться во ИМЯ ХРИСТОВО.

«Наступит время, когда те, кто будут предавать вас, будут думать, что они тем служат Богу». Это ХРИСТОС сказал о тех иерархах, которые в 1504 году сжигали новгородских «еретиков», о тех, кто сжег Аввакума, кто затравил и стгноил в заточении св. Максима Грека, кто в течение трех столетий преследовал железной рукой миллионы русских людей только за то, что они придерживались старины и не хотели принять «реформу», проведенную грубо и резко, но купно и неумело.

Я нарочно не упоминаю инквизицию, ибо не люблю с воодушевлением набрасываться на что-либо с благосклонного поощрения вышестоящих, ибо все католическое, как известно, можно ругать вовсю, а о своем надо «благочестиво», со «смирномудрием» умалчивать.

Молодость моего сердца, которую ты столь любезно отмечаешь, соединяется во мне, надеюсь, с опытом старого человека, который знает, что духовное звание, ни тем более — ношение рясы (это в связи с тем, что Ты пишешь о Флоренском) сами по себе не делают человека лучше или хуже, тем менее делают его христианином.

Не письмо — а богословский памфлет! Прости, что я так распространился, но уж больно актуальный вопрос.

Архиепископ Михаил

ПОМИРЯТСЯ ЛИ И ПОЙМУТ ЛИ ДРУГ ДРУГА ОБА «БРАТА»?

Из доклада ректора СФИ, проф.-свящ. Георгия Кочеткова «О Церкви как культурообразующем начале в контексте проблемы преодоления разрыва между светским и церковным». Москва. 21 ноября 2006 г. ГИМ.

Представляется бесспорным, что мы живем в мире часто нецерковном и бескультурном, а к тому же давно лишившемся своей целостности и целомудрия.

Есть разрывы между внешним и внутренним, между божественным, общественным и государственным, между церковным и светским. Должно ли быть единство в этих вещах? Если верить Евангелию, то да, ибо «Кто сотворил внешнее, Тот сотворил и внутреннее».

Однако не случайно там же говорится: «Отдавайте кесарево кесарю, а Боже — Богу», из чего следует, что преодоление разрыва этих начал не означает их неразличения. Более того, возможна и необходима их определенная иерархия.

Пока будем считать достаточно понятным, что есть церковное (хотя и этого вопроса нам придется как-то коснуться в конце доклада), сейчас же уточним, что мы понимаем под светским. Как оно соотносится с секулярным, мирским и мирянским?

Думается, что светское не тождественно мирскому и только мирянскому, как и церковное — просто духовному. Мирское по преимуществу связано с библейским понятием «мира, который во зле лежит», а светское — с тем или иным «высшим светом» общества. Да, оно может распространяться на ту или иную часть государственной, как и вообще мирской жизни, но оно не может отождествляться с ней. Как светское не тождественно секулярному, в том числе государственному и мирскому, так оно не тождественно и культурному, которое может быть и протонародным. Светское же всегда говорит нам о какой-то элитности, о той или иной иерархичности и каком-то качестве всех форм человеческой, родовой и общественной жизни. Оно само есть некая внешняя и внутренняя форма, которая является смыслообразующим началом. Все человеческие смыслы обретаются на пересечении, на «перекрестке» светского и духовного.

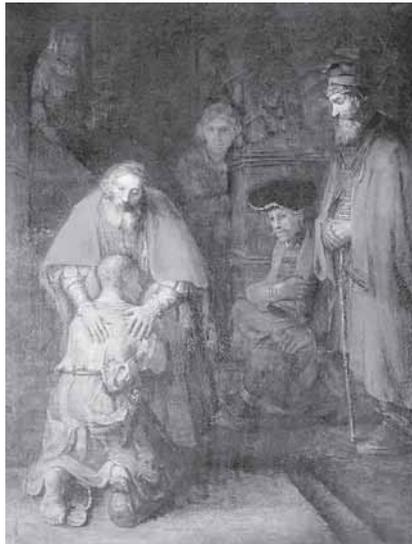
Что касается духовного, то все светское общество, вся культура и даже мирское государство должны быть заинтересованы в развитии духовных начал в каждом человеке и в самом обществе. И при этом государство совсем не обязательно должно становиться конфессиональным. Но все-таки строительство подлинно светского, т.е. духовно-аристократического общества и государства и поддержка ими такой же светской, духовно-аристократической культуры — одна из задач, в решении которой должны быть заинтересованы в первую очередь церковные и национальные силы.

Конечно, существующий раскол между светским и духовным, церковным, этими двумя сторонами жизни человека и общества, однозначно недобр и греховен.

Да, сейчас, как мне это уже не однажды приходилось говорить и писать, начиная с первой половины 90-х годов прошлого века, у многих есть «сектантская подозрительность к полноте общественной, человеческой и церковной жизни, содержащей в себе и светский элемент. Отсюда проистекает и характерное для многих наших современников недоверие к светским книгам, к философии, к свободной творческой деятельности человека».

Нельзя не согласиться с тем, что некоторые основания для подозрительного отношения церкви к светской культуре имелись и имеются. Она действительно в последние века европейской истории уходила из отчего дома, подобно евангельскому блудному сыну. Но не надо забывать и того, о чем еще сто лет назад писал С.Н. Булгаков в статье «Церковь и культура»¹. Он задавался вопросом: «Что было с людьми церкви в этот внецерковный и даже антицерковный гуманистический век?»

Отвечая на этот вопрос, он далее размышлял таким образом: «Нельзя отрицать, что они приняли за это время некоторые черты духовного облика старшего брата, как он изображен в евангельском рассказе. При верности и строгости своего служения они вместе с тем усвоили высокомерно-недоброжелательное и фарисейски-мертвенное отношение к младшему брату <культуре>, который хотя и «согрешил пред небом и пред Отцом» во время своих странствий, но сохранил открытую живую душу.

Возвращение блудного сына.
Рембрандт Харменс ван Рейн. 1668 г.

Помирятся ли и поймут ли друг друга оба брата? Вот великий и роковой вопрос, который ставится теперь историей.

Раскол жизни на «светскую» и церковную, внецерковность и внецерковность (отчасти же и антицерковность и антирелигиозность) современной культуры и внекультурность (отчасти же и антикультурность) современной церкви вносят разлад и двойную бухгалтерию даже в души тех, кто сознает всю историческую относительность и внутреннюю ненормальность этого раздвоения. Создать подлинно христианскую, церковную культуру и возбудить <культурную> жизнь в церковной ограде, внутренне победить эту противоположность церковной и светского — такова историческая задача для духовного творчества современной церкви и современного человечества. <...>

Следствием угашения духа и враждебного противопоставления стихий светской и церковной и явилось вырождение, извращение церковной жизни и деятельности за пределами храма. Церковная организация стала не творческой, но консервативной и даже реакционной силой истории, оказавшись в естественном и прискорбном союзе с темными историческими силами, при этом унижаясь до роли, совершенно уже не соответствующей ее достоинству. <...>

Трудно себе представить, насколько изменилась бы вся наша жизнь, какими радужными красками расцветила бы она, как стала бы легка и благодатна, если бы вспыхнуло подлинное пламя христианского творчества и вдохновения, если бы в церкви восстановилась та полнота жизни, которой жаждет современный человек. <...>

Поэтому <церкви> нужно любовно, без кичливости, но с христианским смирением открыть свое сердце «светскому» миру и, может быть, тогда и старший брат вместе с Отцом дождется радостного дня, когда увидит, что блудный сын «светская культура» был мертв и ожил, пропал и нашелся. И с той, и с другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва, и тогда естественно возникнет взаимное притяжение, и воссоздастся живая, творящая, взыскующая грядущего града, воистину воинствующая церковь: «Се, стою у дверей и стучу...» <...>

Пока <же> существует обширная религиозно-нейтральная зона «светской» культуры, последнее решительное столкновение добра и зла «еще впереди, поле человеческого существования» не созрело для последней жатвы, ибо не может быть осознано

во всей своей широте и непримиримости. «Ничто в мироздании не должно остаться двусмысленным» (Шеллинг).»²

Таким образом, церковь и культура сейчас все еще существуют как союзники и конкуренты. Есть между ними конфликт, но есть и стремление к нормализации жизни с обеих сторон. Здесь никто не должен забывать, что есть заслуги культуры перед церковью и народом и есть соответствующие заслуги церкви перед народом и культурой.

Исходя из этого, можно признать необходимость паритетных начал, когда речь идет о церкви и культуре как социальных институтах. Это не отрицает понимания того, что всем необходимо восстановление справедливости. Если что-то было, например, создано церковью или для церкви, а потом было несправедливо у нее отобрано, то в случае имущественного спора надо отдавать предпочтение церкви, даже если музеи или другие учреждения культуры уже вложили в это свои силы и средства. Да ведь и само отобранное у церкви использовалось не на арендных началах, а всегда бесплатно. Но во всем здесь должны быть трезвенность и чувство меры. Надо трезво понимать и признавать, что современная церковь не может все свое бывшее имущество нормально использовать и сохранять. Уверен, что здесь есть даже опасность культурных и исторических потерь и вольных или невольных искажений. Свидетельства этого уже не однажды были явлены в последние годы, когда со стороны некоторых церковных деятелей и учреждений извращалась историческая правда. Ясно, что так не должно быть, потому что церковь тоже отвечает за память народа. Она должна хранить ее неповрежденной вместе с культурой, а не вместо культуры. Поэтому и церкви необходимо учитывать реальные возможности и средства, имеющиеся в сфере светской культуры.

Сейчас мы говорили о церкви как социальном институте, о церкви с малой буквы. Если же говорить о Церкви не только как о социальном и каноническом институте, а как о мистическом и мистериальном начале и организме, дающем вдохновение и воодушевление людям и даже всему народу, то тем более предпочтение во взаимоотношениях между Церковью и культурой нам следует отдавать именно ей. Мистические границы Церкви всегда в истории и шире, и уже ее видимых, внешних границ. Именно поэтому она и может вдохновлять и воодушевлять не только своих членов, влиять на жизнь не только в своих внешних границах.

Итак, являясь источником вдохновения и воодушевления для народа, сама будучи Народом Божиим, Началом единым, святым, вселенским, соборным и апостольским, Церковь с большой буквы показывает себя в истории как важнейшее культурообразующее начало. Она порождает культуру как нечто целое, по-человечески открытое и свободное, ибо она сама живет Духом Любви и Свободы, творчества, надежды и веры. Это дает ей возможность различать добро и зло и служить мерилом правды, красоты и справедливости в отношениях между людьми и в делах отдельных людей и организаций. Она видит гармонию, знает во всем чувство меры, вкуса и такта. Она созерцает мир и слышит музыку сфер. Она не признает деление мира и человеческой жизни, в том числе на сферу церковного и светского, и знает, что в Божьем мире и в Церкви нет большей власти, чем власть Любви. Отсюда в ней образуется ее жертвенное и сострадательное начало, наряду с радостным удивлением в жизни и торжеством конечной победы в мире и человеке над разложением, безобразием, хаосом, смертью, всяким грехом и злом. Это не может не касаться экзистенциальных глубин жизни каждого современного человека, как и всего нашего народа и общества, до сих пор немислимых вне сферы христианской, православной культуры.

¹ Свящ. Георгий Кочетков. Преодоление раскола между светским и духовным в человеке и обществе // Православная община, № 3 (21), 1994. С. 60.

² Вопросы философии. Вып. 1. М., 1906. Цит. по: Православная община, № 3 (21), 1994. С. 44-53.

³ Булгаков С.Н. Церковь и культура // Православная община, № 3 (21), 1994. С. 48-49, 50, 52.

Православный мир – о ситуации в Твери

На меня, на мою жену, на всех, с кем мне пришлось в эти дни встречаться, это отлучение произвело удручающее впечатление. Как мог это допустить Владыка Виктор? Отлучать от причастия невинных детей – уму непостижимо, такого в истории Церкви еще не было, но и скопом сотню взрослых ни в каком грехе не повинных – безумие, потеря ориентиров... Это не только неканонично (превышение власти), а просто кощунственно, взрез до всех учеников Христа. Святейший Патриарх и Св. Синод должны добиться отмены этого постановления Тверского епархиального совета, иначе оно ляжет тяжелым пятном на всю Церковь.

Никита Струве, член епархиального совета Западно-европейского Экзархата, Мария Струве-Ельчаннинова

В основе движения о.Г.Кочеткова и его последователей лежат здоровые устремления. Возможно, некоторые из них реализуются не совсем верно, но это не повод к тому, чтобы запрещать движение вообще. Катеизация, сознательная литургическая жизнь христиан, чувство общины и соборности, развитие здоровой инициативы «снизу» – все это настолько важно для современной Церкви, что всякий опыт в данных областях представляется ценным и достойным обсуждения, а не осуждения. Сегодня мы стоим перед вызовами, на которые должны дать ответ. И от этого ответа будет зависеть будущее православия в постсоветском пространстве. Путь запретов же кажется ведущим скорее в тупик.

Из статьи святи. Андрея Дудченко «Осуждать или обсуждать? По поводу отлучения «кочетковцев» от Причастия в Тверской епархии»

На самом деле выход до смешного прост: свой храм для общины кочетковцев с настоятелем, рукоположенным епископом из их числа. И пусть они молятся – с благословения епископа – по тому Уставу, который им кажется лучше, понятней, оптимальней. Хотите на русском: да ради Бога! Пусть епископ благословит перевод и – вперед.

Я уверен на все 100, что если бы дело было не в Твери, а в Суражской епархии при жизни митр. Антония, всё так бы и решилось, к взаимной радости и епископа, и общины.

И то, что в Тверской епархии такое самоочевидное решение кажется немислимым (и даже не обсуждаемым), то что вместо подхода с любовью, как к детям своим, которых надо понять и помочь, предпочитают применять власть, наказывать и карать, относиться к ним, как к «пьяным хулиганам», свидетельствует, увы, о глубокой духовной болезни иерархии...

Свящ. А. С-ов, Санкт-Петербург (по взглядам и убеждениям – умеренный традиционалист и консерватор)

Вот не понимаю я этой логики. Примерно в одно и то же время в Твери одни и те же действующие лица:

1) Проводят вечер кельтской музыки: «Объясняя цель организации вечера, председатель Миссионерского отдела Тверской епархии протоиерей Александр Шабанов отметил: «Мы хотим показать, что этническая кельтская музыка наполняет человека радостью, и рассказать, что служение Богу тоже радостно. Древнеирландские монахи, живя в монастырях с очень суровым уставом, не чуждались музыки и поэзии. Православие – это не «перечень запретов», а праздник, любовь и счастье».

2) Отлучают от причастия Тверское братство, ведь Православие – это не «перечень запретов», а праздник, любовь и счастье.
Н. Базилевич, Минская епархия

КОНТРИМИССИЯ ВСЕГДА БЫЛА СВЯЗАНА С ЗАБОТОЙ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Интервью с зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики Свято-Филаретовского института Д. Гзгзяном

– *Каковы, на Ваш взгляд, исторические причины возникновения и развития контр-миссии?*

Д. Гзгзян: Контрмиссия – явление, которое практически всегда было связано с одной заботой – утверждение идеологического влияния. Обычно контрмиссия разворачивается тогда, когда существует или угроза утратить некогда имевшееся идеологическое влияние, или, наоборот, когда осознается необходимость навязать идеологическое влияние, например, этносам, только вовлекаемым в имперский план, которые раньше, естественно, под таким влиянием не находились. В целом, конечно, контрмиссия по существу своему радикальным образом расходится с духом и смыслом христианского Откровения. Контрмиссионер категорически не может быть озабочен донесением Благой вести, поскольку, подчеркиваю, здесь на первом плане утверждение собственного влияния, любой ценой, нередко и откровенно силовыми методами.

Переклад о. Шабанов считает возможным дружить с РПЦЗ (Вит)-цами, а живое в РПЦ душиет?

Д. Гзгзян: Краткий ответ, наверное, мог бы выглядеть так: оттого, что мертвое тянется к мертвому. Та часть РПЦЗ, которая в свое время осталась под омофором покойной митр. Виталия, вновь продемонстрировала отсутствие каких бы то ни было живых тенденций. Но и в нашей церкви достаточно много людей, которые заняты мертворожденным делом – собственным утверждением на идеологической почве. Это занятие при определенных условиях может выглядеть вполне перспективно, иногда даже способно приносить верный доход. Если принять во внимание декларируемые цели, скажем, центра, который возглавляет о. Шабанов, то легко распознать в них одно-единственное намерение – добиться идеологической монополии, пусть в скромных границах тверской епархии, оказаться единственным носителем критериев православности. Это все давно обкатанная модель, выдуманная не сегодня. Она проста, доступна и поэтому часто стихийно воспроизводится. И хотя авторы очередной извода этой модели могут себе в этом отчете не отдавать, речь идет об обычной инквизиторской логике. Единственное ограничение связано с тем, что мы живем в 21 столетии и сейчас публичное автодафе невозможно, но люди такого темперамента сохранились, к сожалению, и вряд ли когда-то исчезнут.

– Каковы причины и цель давления этих сил на вл. Виктора?

Д. Гзгзян: Цель этих сил кажется совершенно очевидной. Для того чтобы сохранить за собой положение идеологического центра влияния, надо периодически о себе напоминать по любому поводу. Одновременно надо демонстрировать свою востребованность для сил более могущественных, которые могли бы в удобный момент тебе использовать. Я, честно говоря, не очень уверен, что этот центр способен оказывать давление на тверского архиепископа. Скорее здесь происходит взаимное наложение ряда не зависящих друг от друга тенденций, в результате чего все они резонансно усиливаются. О тверском владыке, вообще о тверской епархии, к сожалению, известно, что там используются откровенно авторитарные методы руководства. Дело в том, что какие-то логические и, соответственно, канонические немотивированные решения и раньше имели место, и, насколько мне помнится, без всякого влияния какого бы то ни было идеологического центра. То есть существует некоторая внутренняя логика жизни тверской епархии сама по себе, которая, безусловно, производна от стиля руководства. С другой стороны, конечно при таких методах руководства, создаются дополнительные возможности спровоцировать спонтанное, неподдающееся логике, но хорошо объяснимое идеологическое решение. Этим можно воспользоваться и в определенный момент действительно подкачать какие-то шаги со стороны. Но в таком случае лучше говорить не о давлении, а об умелом использовании слабостей или особенностей руководства. Вел само по себе решение, если вдуматься, епархиального совета, авторитетного органа, руководящего жизнью незначительной епархии РПЦ, является вопиющим каноническим нарушением. Фактически людей отлучают от причастия по прихоти епископа. То есть имеет место полный эклезидеологический и канонический произвол. Я уже не говорю о непослушании высшему руководству РПЦ, об игнорировании решений Архиерейского собора, который подтвер-

дил правомочность решений Синодальной богословской комиссии о принципиальном соответствии трудов о. Георгия православному вероучению. Кстати, необходимость работы СБК в свое время была вызвана известными нечистоплотными маневрами группы московских священнослужителей, также воспользовавшихся определенными тенденциями своего руководства. То есть в целом история повторяется. Известно, как СБК дезавуировала наущившее в свое время решение т.н. «правдолюбивой комиссии». Но судя по тону и содержанию заявления епархиального совета тверской архиепископии, впечатление такое, что люди там чувствуют себя находящимися в полной автономии от Москвы. Получается, что штука, будто на территории Тверской области появилась автокефальная или, по крайней мере, автономная православная церковь, выглядит явно небезосновательной.

– *Чем, по Вашему мнению, должен был бы заниматься миссионерский центр в нормальном случае?*

Д. Гзгзян: У миссионерского центра, если бы он хотел соответствовать смыслу такого названия, непочатый край работы. Он должен был бы изучать историю миссии, причем творчески, пытаясь позаимствовать из этой истории позитивные примеры, которые были бы еще и приложимы к нашей современной ситуации, он должен был бы разрабатывать стратегию и тактику миссионерской деятельности в условиях, когда христианство по всему миру вытесняется в маргинальное положение. Он должен был бы стать еще и образовательным центром, потому что не секрет, что ситуация с научностью вере, а это не в последнюю очередь влияет на состояние миссии, находится в нашей церкви совсем не на высоте. Я уже не говорю про издательскую деятельность, организацию научно-практических конференций, про обобщение современного опыта, в хорошем смысле экспериментирование, потому что на сегодняшний день мало что всерьез понятно с тем, как успешно осуществлять миссионерскую деятельность в современных условиях. Еще можно упомянуть дифференцированную миссию по социальным слоям, группам, по профессиональным категориям, по каким-то другим параметрам, т.е. работы – море. Вообще-то говоря, человек, берущийся за миссионерскую деятельность, должен испытывать еще и благоговейный страх, да отчасти и обычный человеческий перед тем объемом деятельности, который открывается. Но, увы, шабановский-то центр – миссионерский, увы, только по названию, и потому серьезная, конструктивная деятельность ему не нужна. Но, конечно, это один из примеров контрмиссионерской деятельности, к тому же еще довольно умело осуществляемый. Я совсем не ратую за развитие умелой контрмиссии, но справедливости ради надо сказать, что если ты хочешь добиваться влияния, то это достигается хитрой и продуманной политикой, а не такими топорными методами, которые характерны для этого центра.

Надо сказать, что вся эта история в тверской архиепископии свидетельствует помимо всего прочего еще о крайней скудости главных ее инициаторов. О духовной скудости тут можно лишний раз не упоминать. Речь идет о скудости ума и о скудости фактического влияния. Это немного похоже на агонию прямолинейного контрмиссионерства. С этой точки зрения интересно будет оценить последствия решений тверского епархиального совета. Мне кажется, что уже совсем скоро ситуация будет отыгрываться назад и интересно, как именно это будет делаться, какое именно направление будет найдено. И, соответственно, можно будет понять реальную реакцию, в частности, тверского духовенства на то, что позволил себе епархиальный совет и пресловутый центр. Ведь доподлинно известно, что помимо шабановых там есть честные и совестливые священнослужители.

Вопросы задавала Наталья ИГНАТОВИЧ

Первоверхотенники. Фрагмент фрески Джотто «Иуда научает серебрики».

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА БРАТСТВО

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29, стр. 1

Тел.Адрес: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Кольмагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@kifa.ru

Электронная версия газеты: http://kifazetka.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Виктор Котт, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аравян
Дизайн: Андрей Марев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 11 апреля 2007 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00
Дата выхода в свет 14 апреля 2007 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФБ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);
Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);

Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: 8-926-767-43-05 (Ольга Кузнецова)